

дцать обширных «слов» в опровержение философа Никифора Григоры, которые современник, Иоанн Кантакузин, уподобил «содомскому огню, испепеляющему кощунственные и нечестивые языки») Филофей высказал очень существенную для понимания направления его деятельности и исихастского движения в целом мысль, что возможность личного — через божественную энергию — общения человека с богом «не замалчивать, как некоторые полагают, следует, но проповедовать и побуждать всех становиться причастниками этого божественного света».¹ Таким образом, то, что прежде было идеалом избранных монахов-подвижников, делалось целью, открытой и рекомендуемой любому православно-верующему. В этой «вспышке» божественного света в обществе и состояла суть православного возрождения.

Филофей Коккин, будучи патриархом, канонизировал Григория Паламу как святого. Ему принадлежит принятая в церкви кодификация учения Паламы, т. е. соответствующие параграфы Синодика в неделю Православия, названные А. Ф. Лосевым «наиболее зрелым плодом византизма».² Филофей также автор последней, усвоенной с конца XIV в. на Руси редакции литургии,³ дьяконской службы и Учительного Евангелия.⁴ Кроме того, им написано: больше двадцати богословских трактатов; восемь объемистых житий, половина из которых посвящена им его учителям и старшим современникам; историческое Слово о захвате в 1352 г. геноуэцами Ираклии Фракийской, в то время его митрополичьей епархии; семнадцать сочинений учительного-гомилетического характера; ряд грамот (девятнадцать из них адресованы им как вселенским патриархом русским церковным и государственным деятелям) и больше сорока молитв и гимнографических произведений — каноны, службы святым, тропари, прокимены, припевы и т. п. В целом собрание сочинений Филофея могло бы составить не один объемистый том, но пока что даже составление простого перечня его произведений требует кропотливых разысканий.⁵

После проигрыша в исихастских спорах, а также под давлением турецкой опасности эмигрируя в Италию, византийские гуманисты (тяготевшие к католицизму и язычеству) получали там широкое поле деятельности. Исихасты же, возглавив константинопольскую церковь, стали пастырями не только жителей Византии, но и всех остальных православных душ в пределах Вселенского патриархата, т. е. Восточной Европы. «Святейший и премудрейший патриарх Костянтинограда кир Филофей»

¹ См.: В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. I. СПб., 1911, стр. 252, № 457 (1646).

² А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930, стр. 877.

³ «Чин Филофея есть последний устав, указывающий, как надобно совершать литургию, после которого она уже не подвергалась никаким изменениям» (Порфирий Успенский. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1846 г., ч. II, отд. 1. Киев, 1877, стр. 450). «Эта обработка простиралась на все главные службы устава и имела в виду определить подробности обряда для служб суточного круга и литургии. Дело было задумано и велось систематически. Составитель *ordo* держался иерусалимского устава и не только следовал принятому здесь порядку службы, но во многих случаях делал из него буквальные извлечения и повторял особенности текста» (И. Мансветов. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882, стр. 17—18).

⁴ Сопоставлением этой редакции Учительного Евангелия с предшествующей (Константина Преславского) занималась, насколько мне известно, только В. П. Адрианова-Перетц в семинарии В. Н. Перетца (см.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии Семинарии русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 года. Киев, тип. Университета, 1911, стр. 99—110).

⁵ Такой перечень надеюсь дать в особой работе.